
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2025. № 3. С. 3—20.

Woman in Russian Society. 2025. No. 3. P. 3—20.

Научная статья

УДК 316.346.2

EDN: <https://elibrary.ru/vybpyo>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.3.1

ГЕНДЕРНАЯ ПОВЕСТКА В ОБЩЕЦИВИЛИЗАЦИОННОМ РАЗВИТИИ: ПЕКИН+30

Ольга Александровна Воронина

Институт философии, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, olga-voronina777@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса достижения гендерного равенства в планетарном масштабе, начало которому содержательно положила Пекинская конференция. Автор полагает, что она является знаковым событием в истории развития общечеловеческой цивилизации. В статье доказывается, что Пекинская декларация и Платформа действий базировались на научном понимании гендерного неравенства как социально сконструированной иерархии. С тех пор человечество последовательно идет по пути достижения гендерного равенства, подтверждая это как программными документами ООН, так и изменениями национальных политик. Представлены новейшие аналитические доклады ООН, в которых оцениваются многие позитивные перемены последних лет. Однако также отмечается и тревожное замедление темпов достижения гендерного равенства вследствие экономических кризисов и политических конфликтов. Автор выдвигает и доказывает идею, что, помимо этого, негативное влияние на рассматриваемый процесс оказывают такие интеллектуальные и макросоциальные феномены, как идеологические доктрины и культурные практики неолиберализма, неоконсерватизма и «новых феминизмов». Возможности достижения гендерного равенства (пусть и в более отдаленной перспективе, чем намечалось ранее) автор связывает с активной интеграцией результатов гендерных исследований в культурные практики и социальные программы как на международном, так и на национальном уровне.

Ключевые слова: Пекинская конференция, ООН, гендерное равенство, женщины, мужчины, неолиберализм, неоконсерватизм, «новые феминизмы», цивилизация, культура

Для цитирования: Воронина О. А. Гендерная повестка в общецивилизационном развитии: Пекин+30 // Женщина в российском обществе. 2025. № 3. С. 3—20.

Original article

GENDER AGENDA IN GLOBAL CIVILIZATION DEVELOPMENT: BEIJING+30

Olga A. Voronina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, olga-voronina777@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the process of achieving gender equality on a planetary scale, which was substantially initiated by the Beijing Conference. The author believes that the Beijing Conference is a landmark event in the history of the development of human civilization. The article proves that the Beijing Declaration and Platform for Action was based on the scientific understanding of gender inequality as a socially constructed hierarchy. Since then, humanity has consistently followed the path of achieving gender equality, confirming this both by UN program documents and by changes in national policies. The latest UN analytical reports are presented, which analyze many positive changes in recent years. However, an alarming slowdown in the pace of achieving gender equality is also noted due to economic crises and political conflicts. The author puts forward and proves the idea that, in addition to this, such intellectual and macrosocial phenomena as ideological doctrines and cultural practices of neoliberalism, neoconservatism, and “new feminisms” have a negative impact on the practices of gender equality. The author associates the possibilities of achieving gender equality (albeit in a more distant future than previously planned) with more active integration of the results of gender studies into cultural practices and social programs at both the international and national levels.

Key words: Beijing Conference, UN, gender equality, women, men, neoliberalism, neoconservatism, “new feminisms”, civilization, culture

For citation: Voronina, O. A. (2025) Gendernaia povestka v obshchetsivilizatsionnom razvitii: Pekin+30 [Gender agenda in global civilization development: Beijing+30], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—20.

Историческая роль Пекинской конференции

Впервые идеи равенства прав женщин и мужчин на общецивилизационном уровне были провозглашены во Всеобщей декларации прав человека (1949 г.). С тех пор человечество в лице ООН как наднационального органа постоянно увеличивало внимание к этой теме. Апогеем в ее развитии стала IV Всемирная конференция по положению женщин (Пекин, 1995 г.). Особая важность этой конференции заключается в принятых и одобренных правительствами 189 стран документах — Декларации и Платформе действий. Пекинская декларация является по сути политическим манифестом, в котором провозглашается цель достижения равенства женщин и мужчин во всех сферах жизни, т. е. гендерного равенства. Заявляя, что «права женщин являются правами человека» [Пекинская декларация и Платформа действий, 1995, ст. 14], и настаивая на том, что необходимо «обеспечивать женщинам и девочкам возможность полностью пользоваться всеми правами человека и основными свободами и принимать

действенные меры против нарушения этих прав и свобод» [там же, ст. 23], а также меры по устранению всех препятствий на пути достижения равенства [там же, ст. 24], Декларация еще раз подтверждает ориентацию мирового сообщества на ценности гендерного равноправия. Утверждая, что «равные права, возможности и доступ к ресурсам, равное распределение семейных обязанностей между мужчинами и женщинами и гармоничное партнерство между ними имеют ключевое значение для их благосостояния и благосостояния их семей, а также для укрепления демократии» [там же, ст. 15], Декларация ставит ориентиры для старых и новых демократий. В ст. 26 и прежде всего в ст. 35 подчеркивается необходимость «обеспечивать женщинам равный доступ к экономическим ресурсам, включая землю, кредиты, науку и технику, профессиональную подготовку, информацию, средства коммуникации и рынки». Особенно важна ст. 32, где борьба с дискриминацией женщин по признаку пола связывается с необходимостью учитывать усиливающее ее ограничение прав на основании расы, этнической принадлежности, возраста, культуры, инвалидности, т. е. с иными факторами стратификации, действующими в современных обществах.

Платформа действий — это программа самого общего плана, нацеленная на констатацию возможно большего числа проблемных зон и улучшение положения женщин во всем мире, в любой стране. Признавая, что в некоторых случаях женщины сталкиваются с особыми препятствиями при защите своих прав, Платформа действий предлагает правительствам, международному сообществу и гражданскому обществу принять стратегические меры для улучшения ситуации в 14 наиболее острых областях [там же, гл. 3]: бедность; неравенство в образовании; неравенство в области охраны здоровья и неравный доступ к соответствующим услугам; насилие в отношении женщин; негативные последствия вооруженных конфликтов для женщин; неравные права женщин на участие в деятельности экономических и политических структур, в производственных процессах и на доступ к ресурсам; неравенство женщин в области разделения власти и принятия решений на всех уровнях; несовершенство механизмов, призванных содействовать улучшению положения женщин на всех уровнях; недостаточная защита прав человека женщин; создание стереотипных образов женщин во всех системах коммуникации, неравенство в доступе женщин к ним и их участии в деятельности этих систем; неравенство в управлении природными ресурсами и в охране окружающей среды; дискриминация в отношении девочек и нарушение их прав.

Важно отметить, что, делая акцент на равенстве, Платформа действий, однако, не трактует его как схожесть или тождественность женщин с мужчинами. Различия признаются существующими, но понимаются не как биологическая предопределенность, а как следствие социально детерминированных ролей каждого из полов. В тексте Платформы постепенно совершается переход от понятия «равноправие женщин с мужчинами» (что трактуется как подтягивание женщин до мужского статуса) к понятию гендерного равенства. Это предполагает, на мой взгляд, учет гендерных, т. е. социально сконструированных, различий. Одновременно в Платформе действий сохраняется и акцент на защите женских прав, что связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, в процессе многолетней подготовки текста участвуют как специальные структуры ООН,

так и представители различных женских и феминистских организаций, стоящие подчас на противоположных позициях на оси «равенство/различие» или «равное/дифференцированное обращение». Поскольку документы такого рода принимаются только на основе достигнутого консенсуса, то в них нередко сочетаются разные (хотя и смягченные) позиции.

Деятельность ООН после Пекинской конференции определялась именно этими проблемными сферами, структуры ООН действительно интегрировали гендерный подход в свою работу, в процесс планирования и осуществления мероприятий. Каждые пять лет ООН проводила аудит и оценку своей деятельности по реализации принципа гендерного равенства, также оценивая реальную ситуацию в разных регионах мира.

Идеи гендерного равенства прочно вошли в повестку дня международного сообщества. Это еще раз было подчеркнуто на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Женщины в 2000 году: равенство между мужчинами и женщинами, развитие и мир в XXI веке». В ее работе участвовали главы 189 государств. Российскую Федерацию представлял президент В. В. Путин. Главы государств приняли Декларацию тысячелетия, в которой определены восемь основных направлений преобразований, необходимых для решения глобальных социальных проблем. Третьей целью является *поощрение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин*. Для ее достижения следует в первую очередь решить такие задачи, как обеспечение равных возможностей получения образования (по данным на 2000 г., 75 % из 876 млн неграмотных взрослых во всем мире составляли женщины); создание условий для равного участия женщин в социальном и экономическом развитии своих стран; повышение доли женщин-парламентариев; обеспечение гендерного баланса на рынке труда [Декларация тысячелетия... , 2000].

Конец XX и начало XXI в. были отмечены значительной социальной эйфорией и немалыми достижениями в области улучшения положения женщин. Важнейшим из них, на мой взгляд, является создание во многих странах мира национальных механизмов по улучшению положения женщин, или механизмов гендерного равенства [Гендерное равенство в современном мире, 2008].

Мировые экономические кризисы 2001—2002 и 2007—2008 гг. негативно повлияли на политику в области гендерного равенства и привели к сокращению национальных и международных программ по ее реализации.

Однако общая приверженность принципу гендерного равенства была вновь подтверждена в 2015 г. на Генеральной Ассамблее ООН. Главы государств, участвовавшие в ней, единогласно приняли резолюцию «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.». Президент РФ В. В. Путин выступил на Генассамблее с речью и поддержал резолюцию от имени России.

В преамбуле этого документа сказано: «Семнадцать целей в области устойчивого развития... предусматривают реализацию прав человека для всех, обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек. Они носят комплексный и неделимый характер и обеспечивают сбалансированность всех трех компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического. Эти цели и задачи будут стимулировать

в ближайшие 15 лет деятельность в областях, имеющих огромное значение для человечества и планеты» [Преобразование нашего мира... , 2015]. Участники резолюции отметили: «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин и девочек внесут решающий вклад в продвижение к достижению *всех целей и задач*. Раскрыть в полной мере человеческий потенциал и обеспечить устойчивое развитие невозможно, если половина человечества будет по-прежнему лишена всех своих прав человека и возможностей» [там же]. В резолюции подчеркивается, что для достижения гендерного равенства и расширения прав и возможностей всех женщин и девочек (цель 5) необходимо изменить существующие социальные, экономические, политические и культурные практики. Деятельность международных и национально-государственных структур должна быть направлена на ликвидацию всех форм дискриминации и всех форм насилия в отношении всех женщин и девочек по всему миру, на ликвидацию всех вредных практик в области брачно-семейных отношений (детские, ранние и принудительные браки, калечащие операции на женских половых органах); необходимо признать ценность неоплачиваемого труда по уходу и работу по ведению домашнего хозяйства и внести соответствующие коррективы в социальную политику; необходимо обеспечить всестороннее и реальное участие женщин и равные для них возможности для лидерства на всех уровнях принятия решений в политической, экономической и общественной жизни; следует провести реформы в целях предоставления женщинам равных прав на экономические ресурсы, а также доступа к владению и распоряжению землей и другими формами собственности, финансовым услугам, наследуемому имуществу и природным ресурсам в соответствии с национальными законами и др.

Участники резолюции заявили: «Мы будем добиваться значительного увеличения инвестиций в целях устранения гендерного разрыва и усиления поддержки институтов, занимающихся вопросами обеспечения гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин на глобальном, региональном и национальном уровнях. Все формы дискриминации и насилия в отношении женщин и девочек будут ликвидированы, в том числе с участием мужчин и мальчиков» [там же].

В марте 2025 г. состоялась 69-я сессия Комиссии ООН по положению женщин. Делегаты от имени своих государств приняли Политическую декларацию [Комиссия по положению женщин... , 2025]. Государства-члены подтвердили обязательство искоренять все формы насилия в отношении женщин и девочек, включая цифровое насилие, онлайн-угрозы и кибербуллинг. Глава структуры «ООН-женщины» Сима Бахус представила новую программу действий по достижению гендерного равенства «Пекин+30», цели которой в значительной степени повторяют цели Пекинской платформы действий [Review and appraisal of the implementation of the Beijing Declaration... , 2025].

Российскую Федерацию представлял на сессии заместитель министра труда и соцзащиты А. Н. Пудов. Он отметил: «Россия неизменно остается приверженной принципу равенства мужчин и женщин. ...Российские женщины ориентированы на полную занятость и карьерный рост, но при этом важным фактором для них остается приверженность традиционным семейным ценностям, включая рождение и воспитание детей» [Выступление статс-секретаря... , 2025]. В связи

с этим, продолжил А. Н. Пудов, приоритетом государства является создание условий для оптимального сочетания женщинами семейной и профессиональной жизни. В своем выступлении он перечислил меры по поддержке многодетности, семей с детьми, развитию демографической политики. И в заключение подтвердил, что приоритетное направление государственной политики РФ — создание условий для полного и равноправного участия женщин во всех сферах жизни.

Почти за три десятилетия с момента Пекинской конференции произошли значительные позитивные изменения в области прав женщин [30 лет Пекинской декларации... , 2025]. Это, по мнению экспертов ООН, доказывает, что перемены возможны. Так, например, в 193 странах мира было принято 1583 закона против насилия в отношении женщин и девочек, в то время как в 1995 г. таких законов было всего 12. В их число входят 354 закона, направленные против домашнего насилия. Некоторые страны в настоящее время обновляют законодательство, чтобы оно эффективнее препятствовало новым формам насилия, связанным с цифровыми технологиями. В большинстве стран государства оказывают содействие различным центрам по поддержке пострадавших от насилия, предоставляющим им убежище, юридическую помощь, консультации и медицинское обслуживание. Для расширения экономических прав и возможностей женщин многие страны приняли новое законодательство, запрещающее дискриминацию по признаку пола при приеме на работу. Появились новые услуги, облегчающие тяжелое бремя неоплачиваемого труда по уходу за детьми, и гендерный разрыв в образовании сократился. В некоторых странах были установлены квоты для участия женщин в политической жизни [Progress on women's rights... , 2024].

Особенно важно подчеркнуть, что государства формируют национальные планы действий в интересах женщин. По данным «ООН-женщины», в 2010 г. такие планы были только в 19 странах, а в 2024 г. — уже в 112 государствах [ibid.], хотя они не всегда в достаточной мере обеспечены ресурсами.

Нерешенные проблемы

Однако прогресс в области гендерного равенства в мире в целом идет слишком медленно. Данные ООН показывают: ни один из показателей ЦУР 5 (реализация гендерного равенства) не будет достигнут к 2030 г. [ООН: цена бездействия... , 2024; Шведова, 2024].

Почти 10 % женщин и девочек в мире по-прежнему живут в крайней нищете, и у них мало шансов выбраться из нее¹. При наихудшем климатическом сценарии еще 158,3 млн женщин и девочек могут оказаться в нищете к 2050 г.² Возросла материнская смертность, в основном в беднейших и наиболее уязвимых странах и сообществах.

Не снижаются масштабы насилия в отношении женщин и девочек. По данным ООН, около 736 млн женщин в какой-то момент своей жизни подверглись физическому или сексуальному насилию со стороны интимного партнера

¹ Facts and figures: Economic empowerment // UN Women. 2024. 28 June. URL: <https://www.unwomen.org/en/what-we-do/economic-empowerment/facts-and-figures> (дата обращения: 21.05.2025).

² Ibid.

или сексуальному насилию со стороны лиц, не являющихся партнерами³ (см. также: [Фемициды в 2023 году... , 2024]). Вследствие развития цифровых технологий появляются новые формы насилия в отношении женщин. По данным на конец 2024 г., каждая четвертая девочка в мире выходит замуж в детском возрасте [30 лет Пекинской декларации... , 2025].

В области законодательства позитивные изменения идут медленнее, чем планировалось. Ни в одной из 120 стран, по которым в ООН имеются данные, нет всех необходимых законов, запрещающих дискриминацию, гарантирующих равную оплату труда, предотвращающих насилие, обеспечивающих равные права в браке и при разводе, равный доступ к здравоохранению.

Гендерные диспропорции характерны и для политического представительства. В середине 2024 г. только в 27 странах женщины занимали посты глав государств и/или правительств. При нынешних темпах гендерное равенство на высших постах власти будет достигнуто не раньше чем через 130 лет. Представленность женщин в национальных парламентах составляет 27 %, и 35,5 % мест женщины занимают в локальных органах власти. По оценкам ООН, при нынешних темпах изменения положения дел достижение гендерного паритета в парламентах останется невозможным по крайней мере до 2063 г. Что касается присутствия женщин в министерствах, то, по данным 2024 г., только в 15 странах женщины занимали 50 % должностей министров, а в среднем по миру доля женщин — членов кабинетов министров составляла 23,3 %. Пять наиболее часто предоставляемых женщинам министерских портфелей — «Женщины и гендерное равенство», «Семья и дети», «Социальная интеграция и развитие», «Социальная защита и социальное обеспечение», «Коренные народы и меньшинства» [Facts and figures: Women's leadership and political participation, 2024].

На пути женщин в «большую политику» стоит множество препятствий, с которыми не сталкиваются мужчины-политики. Прежде всего это, конечно, традиционные стереотипы. Во многих странах политические партии не только не выдвигают женщин на высокие посты, но препятствуют даже их включению в свои ряды. Помимо этого, избирательные системы некоторых стран затрудняют женщинам возможность конкурировать на равных, поскольку они имеют меньший, чем мужчины, доступ к финансовым ресурсам. Во многих странах борьба за политическое лидерство сопровождается угрозами (а иногда и применением) физического, психологического сексуального и экономического насилия в отношении женщин — политических лидеров [ibid.].

Для преодоления данных негативных явлений «ООН-женщины» рекомендует правительствам активизировать свою деятельность по продвижению гендерного равенства и использовать для этого различные специальные меры. Так, например, законодательное введение гендерных квот продемонстрировало эффективность в расширении участия женщин. В тех 94 странах, где законодательно одобрены гендерные квоты для парламентариев, женщины занимают в среднем 26 % мест в парламенте по сравнению с 21 % в странах, где таких квот нет. ООН рекомендует также правительствам принимать и применять законы

³ Facts and figures: Ending violence against women // UN Women. 2024. 25 November. URL: <https://www.unwomen.org/en/articles/facts-and-figures/facts-and-figures-ending-violence-against-women> (дата обращения: 21.05.2025).

и политические меры для предотвращения насилия в ходе выборов и после них, а также для привлечения виновных к ответственности и расширения доступа к правосудию и услугам для жертв. Чтобы более эффективно бороться с насилием в отношении женщин в политике, правительства должны собирать данные об онлайн-нарушениях и привлекать к ответственности СМИ и социальные сети.

Правительствам следует инвестировать в программы по наращиванию потенциала женщин в целях развития их лидерских качеств и навыков ведения избирательных кампаний, а также регулировать финансирование данных кампаний, для того чтобы поощрять выделение целевых средств для кандидаток. Законы должны обеспечивать сбалансированное освещение в СМИ всех кандидатов, запрещать ненавистнические высказывания и риторику, подстрекающую к насилию, препятствовать гендерным стереотипам и дискриминации, а также защищать от насилия [ibid.].

Очевидно, что деятельность ООН по достижению гендерного равенства, основанная на поддержке мирового сообщества, весьма значительна. Однако в настоящее время аналитические материалы свидетельствуют, что темпы достижения этой цели существенно снизились за последние 10 лет и что на его пути встали новые глобальные препятствия.

Это мировые экономические кризисы, которые являются одной из причин еще более неравномерного распределения благ и ресурсов в мире. Большая часть населения земного шара живет в бедности и не имеет даже начального школьного образования. Цели искоренения нищеты и голода стоят на первом месте и в Декларации тысячелетия, и в списке Целей устойчивого развития. В ситуации борьбы за ресурсы для выживания шансы женщин и детей на равенство оказываются эфемерными.

Огромный ущерб мировой и национальным экономикам нанесен пандемией COVID-19. Как показали исследования, пандемия и связанный с ней карантин привели к увеличению бытовой и воспитательной нагрузки на женщин. Свою лепту в ухудшение положения женщин вносит и климатический кризис, поскольку в бедных странах снижается доступность чистой питьевой воды и пищи для женщин и детей.

Вследствие столкновения геополитических интересов возросло число вооруженных конфликтов. Так, например, в 2023 г. произошло более 170 таких конфликтов, и 612 млн женщин и девочек проживали в радиусе 50 километров от них. Это в два раза больше по сравнению с 1990-ми гг. Помимо общих проблем, связанных с военными действиями, именно женщины и девочки становились жертвами сексуального насилия [ibid.].

Нео: либерализм, консерватизм, феминизм

Помимо этого, автор хотела бы кратко остановиться на некоторых интеллектуальных и макросоциальных феноменах, важных для достижения гендерного равенства. Автор имеет в виду такие идеологические доктрины и культурные практики, как неолиберализм, неоконсерватизм и «новые феминизмы».

Неолиберализм. Неолиберализм XX в. в значительной степени отличается от своего предшественника. Классический либерализм как философское и политико-экономическое течение мысли основан на признании непоколебимости

прав и свобод человека, которые считаются фундаментом общественного и экономического порядка. Возможности государства и церкви влиять на жизнь общества ограничиваются конституцией. В политическом плане важнейшими правами признаются свобода слова (свобода публичного высказывания), свобода совести (отделение религии от государства, светское государство и общество), право на легальное участие в политической борьбе. Либеральная экономика базируется на принципах неприкосновенности частной собственности и свободе торговли и предпринимательства. В юридическом пространстве провозглашено верховенство закона над волей правителей и равенство всех граждан перед законом вне зависимости от их богатства, социального влияния и положения. Первоначально предполагалось, что государство обязано обеспечивать защиту граждан, позже к этому добавились идеи о том, что оно должно ее обеспечивать за счет налогов граждан.

Примерно в середине XX в. в экономической науке появилось новое направление, суть которого заключалась в понимании свободного рынка как основного регулятора жизни общества («рынок наладит все», как говорил Е. Гайдар и «младореформаторы» в 1990-е гг.). Авторы этих идей были столь убедительны, что даже получали Нобелевские премии по экономике (1974 г. — Ф. фон Хайек, 1976 г. — М. Фридмен, 1982 г. — Дж. Стиглер). С тех пор неолиберализм становится «гегемонной идеологией», его идеи проникают не только в экономику, но и в политику и даже культуру. Более того, неолиберализм — это не только идеология, но и вырастающая из нее особая институциональная система [Капелюшников, 2022].

Неолиберальная идеология фактически меняет роль государства, побуждая его действовать в интересах глобального финансового капитала. Основной акцент делается на свободу рынка и торговли, приватизацию экономики, снижение налогов, сокращение государственных расходов на социальную сферу — пенсии, льготы для малообеспеченных слоев населения, бесплатную медицину и образование. Здравоохранение и образование понимаются как сферы оказания платных услуг «коммерческими предприятиями». Гарантии занятости, обеспеченное достойным прожиточным минимумом право на жизнь, социально-экономическая защищенность нивелируются, поскольку представляются недопустимыми издержками для капитала. Трудовые права замещаются так называемым гибким рынком труда, социальная защита — личной ответственностью. Опорой может быть только личное богатство, и если его нет, то пропадает и опора/защита [Ильин, 2020a]. На глобальном уровне речь идет не о государстве, обществе и национальном бизнесе, а о транснациональном бизнесе, который подчиняет себе государства. Бизнес (в том числе транснациональный) не берет на себя социальные обязательства государства, потому что ему свойственно концентрировать свое внимание на прибыли за счет обществ, а вовсе не на их защите [Ильин, 2020b]. Нередко государственные функции (особенно в здравоохранении и образовании) отдаются «субподрядчикам» из частного сектора. Бизнес-элиты стремятся сделать основной (и может быть единственной) функцией государства создание гарантий свободного рынка.

Неолиберальная политика дополняется постдемократической политикой. Перераспределение власти от государства к бизнесу и деловым лобби приводит к тому, что сильно сокращается участие граждан в политическом процессе.

К. Крауч назвал современное политическое состояние западных обществ пост-демократией, поскольку, несмотря на имеющееся во многих странах всеобщее избирательное право, масса граждан играет пассивную роль в выборах. Публичные предвыборные дебаты зачастую являются тщательно срежиссированным спектаклем, а реальная политика строится непубличным образом между правительством и бизнес-элитами. В этой ситуации степень участия женщин в политике, которое и до этого было ограниченным, становится еще меньше [Крауч, 2010].

Неолиберальная парадигма оказывается губительной для многих социальных задач, в том числе и для достижения гендерного равенства. Государство как распорядитель финансов и создатель национального механизма по гендерному равенству играет ключевую роль в улучшении положения женщин. Нивелирование его роли, уменьшение финансирования этого механизма, снижение отчислений в международные фонды, выполняющие гуманитарные задачи, тормозят достижение гендерного равенства.

Неоконсерватизм и политика «ответного удара». Ответом на распространение идей неолиберализма стал возврат к консервативной идеологии. Сущность консервативной позиции заключается в приверженности традиционным цивилизационным порядкам, ценностям и основам, прежде всего воплощенным в особенностях нации, семьи, религии, отношения к частной собственности и др. Именно поэтому неоконсервативная политика противоречит принципам гендерного равенства. Неоконсерваторы настаивают на важности сохранения традиционных гендерных ролей (мужчина — кормилец, женщина — хранительница домашнего очага) и противодействуют политике равенства женщин и мужчин в сфере труда, образования и семейных обязанностей. Разумеется, консервативные идеологи резко критикуют феминизм, считая его угрозой традиционным ценностям.

Политическая программа консерваторов по противодействию феминизму, особенно тщательно разработанная и реализуемая в США, получила название «ответный удар» [Faludi, 1991]. Стоит кратко напомнить ее основные шаги. В 1980-х гг. правые конгрессмены попытались ликвидировать ряд законов, принятых ранее под влиянием женского движения. Лидеры новых правых привлекали для участия в кампании «ответный удар» множество других социальных акторов, чтобы транслировать неоконсервативную позицию на различных площадках. Так, в СМИ стали писать о том, что, поскольку женщины добились равенства, им следует оставить борьбу за свои права. Именно в это время вбрасывается термин «постфеминизм»⁴ и появляются новые массовые специальные журналы для женщин типа *Elle*, *Metropolitan* и др., целью которых стала пропаганда нового образа женственных женщин, реклама товаров и индустрии красоты. Голливуд начал снимать фильмы а ля Пигмалион, где мужчина формирует новую личность женщины. На ТВ вместо обсуждения феминистских тем, что было характерно для середины 1970-х гг., появляются передачи и сериалы на тему «семейного гнездышка».

В индустрии моды также возникают новые мотивы. В 1970-х гг. радикальные феминистки пропагандировали отказ от использования косметики как протест

⁴ Журналисты стали называть тинейджеров и двадцатилетних женщин постфеминистским поколением [Bolotin, 1982].

против навязываемого патриархатной идеологией образа женщины [Вулф, 1995]. В конце 80-х гг. индустрия моды решила, что пора взять реванш за потерянные доходы. Усилиями рекламы в конце 1980-х женщины постепенно стали принимать диктат «моды женственности».

Противодействие феминизму неоконсервативными политиками объясняется их убеждениями. Однако участие в этом процессе некоторых лидеров второй волны феминизма представляется весьма странным и труднообъяснимым. Так, Б. Фридан после опубликования книги «Мистика женственности» (1963 г.), с которой, собственно, и началась вторая волна феминизма и массовое женское движение в США, в 1980-х гг. резко меняет свои взгляды. В своей книге «Второй этап» она заявляет: «наша ошибка была в том, что мы не уделяли внимания семье», что феминистки часто концентрировались на «конфронтационной политической тактике». Фридан, которая в начале 60-х гг. была символом (СМИ называли ее матерью) женского освободительного движения, которая сама лоббировала новые законы в защиту прав женщин, вдруг через двадцать лет находит эту тактику слишком «маскулинной». Она называет феминизм «женским мачизмом» и поддерживает рейгановскую просемейную программу, заявляя, что «феминисткам следует перестать давить на корпорации, законодательные органы и критиковать государство благосостояния для защиты женских прав» [Friedan, 1981b: 203]. Более того — в интервью журналу *New York Times* Фридан отрекается от «Мистики женственности» и называет 1970-е годами экстремизма, после чего журнал провозгласил, что «феминизм умер» [Friedan, 1981a].

Новые феминизмы. К концу XX в. различные течения феминизма второй волны были отягощены своими собственными противоречиями теоретического и практического характера. Их идеи были раскритикованы с позиций антифеминизма, постфеминизма, «цветного феминизма», теории мозаичной идентичности (*intersectionality theory*), феминистской постколониальной теории, «нового феминизма».

Постфеминизм представляет собой позицию молодых женщин, которые полагают, что битва за равноправие уже выиграна и бессмысленно продолжать борьбу. Постфеминистки считают, что феминизм первой и второй волны слишком далеко продвинул различные институты и законы по защите женщин, вместо того чтобы позволять женщинам *самостоятельно процветать* или *проигрывать*. Более того, постфеминистки утверждают: «старый» феминизм, настаивая на государственной защите специальных интересов женщин, разрушил женскую самость. Именно поэтому они считают, что государство должно полностью устраниваться от вмешательства в «личную» сферу (вплоть до отказа от законодательного регулирования проституции, защиты от сексуального домогательства на работе и насилия в семье). В культурной сфере постфеминистки приветствуют возврат к традиционной женственности как позитивной ценности.

Совершенно ясно, что постфеминизм не мог возникнуть без влияния неолиберализма с его идеями ничем не ограниченной свободы и личной ответственности за свою судьбу. Очевидно, что для постфеминизма характерен крайний индивидуализм. Женщины должны заниматься только собой: укреплять свою власть, быть женственными, наслаждаться жизнью — и не придерживаться никакого общего политического кредо. Но вводящая в заблуждение риторика

личного выбора только маскирует ограничения, налагаемые на женщин расовыми, сексуальными или социальными различиями.

Теория мозаичной идентичности (intersectionality theory) возникла как реакция на эссенциалистское понятие «женщина», характерное для феминисток второй волны. Их работы были сосредоточены на анализе дискриминации «белых» женщин среднего класса и игнорировали различия между женщинами на основании расы, этничности, класса, возраста. Эссенциалистское «мы» или «сестринство» второй волны, которые были символами единства женского движения, со временем стали оцениваться как «феминистский этноцентризм».

В конце 1970 — начале 1980-х гг. лидеры «черного феминизма», или антирасистского феминизма (black feminism), подняли тему дискриминации не белых американок [Hooks, 1991]. Вскоре феминистки латиноамериканской или азиатской идентичности стали формировать свои концепции. Теоретики этих направлений подчеркивали, что в отличие от белых женщин, все остальные испытывают тяготы не только сексизма, но и расизма. В этой ситуации, писали они, весьма трудно определить, какой фактор — этническая принадлежность, пол, возраст или низкий социальный статус — является первичным основанием дискриминации, за которым выстраиваются все остальные. Таким образом была сформирована идея множественной и одновременной дискриминации по разным основаниям. Этот подход получил название intersectionality theory (в качестве смыслового перевода автор употребляет понятие «теория мозаичной идентичности»). Используя этот концепт, лидеры этнических феминизмов попытались сформировать основу для совместных политических акций женщин, относящих себя к одинаковым этническим группам [This Bridge Called My Back, 1983]. Однако очевидно, что если нельзя приписывать одинаковую идентичность всем женщинам, то и другие группы, идентифицируемые на основании расы, этнической принадлежности и прочего, также не имеют никакого единого видения действительности. Следовательно, хотя адепты политики мозаичной идентичности подвергли критике унитарную категорию «женщина», аналогичные упреки в эссенциализме могут быть адресованы понятиям «раса», «этническая принадлежность», «класс» (о чем уже и написано много книг). *Постколониальный феминизм* является производным от так называемой постколониальной теории. Она основана на различных культурологических и социологических исследованиях, которые применяли постмодернистский подход к анализу колониального и имперского дискурсов. Первоначально это было просто описание того, как процессы глобализации затрагивают интересы разных женщин в социумах по всему земному шару. Затем авторы постколониальной феминистской теории стали использовать теорию мозаичной идентичности, критику эссенциализма и деконструктивистский метод для анализа положения женщин третьего мира [Mohanty, 1988; Spivak, 1990].

Основные идеи постколониальной теории (которая иногда называется также глобальным феминизмом) сводятся к следующему. Западные феминистки представляли женщин третьего мира как гомогенную категорию, что с позиций постколониального феминизма делало невидимой колонизацию и множественную дискриминацию женщин третьего мира на основаниях расы, класса и пола. Именно поэтому постколониальные феминистки выдвинули

концепт «разногендерности» женщин в третьем мире. Иными словами, гендер как социальный конструкт (т. е. как социальная роль) имеет разные конфигурации в разных культурах. С этой идеей трудно не согласиться. Однако проблема с постколониальным феминизмом заключается в том, что его лидеры так и не смогли сформировать свою собственную теорию. После критики и отрицания идей западного феминизма «глобальные феминистки» предлагают все-таки вернуться к использованию некоторых категорий, созданных второй волной западного феминизма.

Третья волна феминизма яснее всего представлена в работах одной из ее лидеров — Р. Уолкер. От имени всех молодых женщин она заявляет, что «новое поколение феминисток» отказывается от политических целей и хочет «иметь пространство для собственной жизни... без самопожертвования и обязательств социального активизма» [To be Real... , 1995: 144]. Она утверждает, что многие молодые женщины предпочитают самостоятельно определять феминизм так, как им «удобнее для идентичности и жизни» [ibid.: 9], а не следовать концепциям феминизма второй волны. Таким образом, новое поколение тех, кто считает себя феминистками, не только отвергает теорию предшествующего поколения, но и не пытается строить свою собственную. Феминистская практика становится вопросом личного стиля или индивидуального выбора, молодое поколение отказывается от организованных акций, считая их наивными или даже подавляющими женщин.

Акцент на мозаичности идентичности иногда ясно формулируется как новая политическая стратегия, иногда остается на уровне культурных рассуждений о сложности идентичности. Адепты третьей волны полагают, что пересекающиеся «плавающие» идентичности могут быть основой политики коалиций, которые действуют в сферах культурного производства и сексуальной политики и используют «желание и удовольствие, так же как гнев, чтобы питать борьбу за справедливость» [ibid.].

Отсюда, собственно, и вытекает идея, что основным видом активности третьей волны является культурная репрезентация. Молодые феминистки используют культурные репрезентации для «взрыва» (как им представляется) социальных конструктов и бинарной оппозиции «мужское/женское». Кто-то из них бредет голоу, кто-то надевает женственные платья вместе с армейскими ботинками, чтобы высмеять традиционный конструкт фемининности. В качестве *политического действия* авторы третьей волны нередко предлагают «критику, переделывание и создание новых поп- и субкультурных образов и нарративов» [ibid.: 4]. Они всерьез утверждают, что «критика и изменение поп-культуры — совершенно действенный способ вызвать изменение в идеях и ценностях людей и эти изменения проникают в правительство» [ibid.: 51—52]. Однако нет никаких очевидных доказательств верности такой позиции. И даже если в результате ТВ-шоу меняется сознание части населения, это вовсе не ведет к политическим изменениям. Необходимо доказать взаимосвязь между критикой культуры и политическим действием и показать, почему некоторые формы культурной работы являются в современном мире более эффективными, чем другие.

Преобладание политики перформанса в третьей волне стало предметом дискуссий среди более старших поколений. Этнофеминистки рассматривали ее

как наивную игру в политику, как поверхностную и инфантильную форму сопротивления, которая игнорирует материальные основания притеснения.

Некоторые критики полагают (и автор с ними согласна), что позиция «сделай феминизм сама» политически регрессивна и является основной ошибкой третьей волны. В действительности это полностью изменяет концепт второй волны «личное есть политическое», поскольку *политическое* становится полностью личным, индивидуальным, вкусовым. Молодые феминистки называют этот тип феминизма «свободным от всего», в том числе от основного набора ценностей и политики феминизма [Heuwood, Drake, 1997]. Сосредоточиваясь на различии, третья волна отвергает идею массового женского движения для достижения общих целей. Позиция «я свободна быть собой» — это индивидуализм, и тот факт, что его провозглашает женщина, автоматически не делает ее феминисткой.

Анализ идей и текстов этих «новых феминизмов» свидетельствует о том, что феминизма как теории и массового движения больше не существует. Причины этого кроются как в общих процессах, затронувших общество в XXI в., так и во внутренней логике развития феминистской теории. «Феминизм сходства» женщин и мужчин и «феминизм различий» между ними не смогли разрешить эту дилемму.

Вместо заключения

Дилемма сходства/различий может быть решена только при использовании классической гендерной теории. Ее основой является признание того факта, что гендерные различия между женщинами и мужчинами *сконструированы культурой и социумом*. Современная гендерная теория не пытается оспорить существование тех или иных биологических, социальных, психологических различий между женщинами и мужчинами. Она базируется на посылке, что сам по себе факт различий не так важен, как важна их социокультурная оценка и интерпретация, а также построение властной системы на основе этих различий. Целью гендерных исследований является анализ власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные роли и отношения. Как показано ранее, именно этот подход стал основным в деятельности и программных документах ООН.

Замедление темпов достижения гендерного равенства за годы, прошедшие со времени Пекинской конференции, связано со многими факторами. В кратком анализе автор попыталась представить свое видение этих причин. Однако приверженность мирового сообщества принципам гендерного равенства, изложенным в последних декларациях и акциях, дает надежду на его достижение — хотя и не так быстро, как хотелось бы.

Список источников

- Вульф Н. Миф о красоте: как представления о красоте используются против женщин / пер. с англ. О. Басинской // Иностранная литература. 1995. № 3. С. 219—236.
- Выступление статс-секретаря — заместителя министра труда и социальной защиты А. Н. Пудова на 69-й сессии Комиссии по положению женщин ООН // Постоянное представительство РФ при ООН. 2025. 13 марта. URL: https://estatements.unmeetings.org/estatements/31.0070/20250313150000000/whMINV Mght/tjMljVpW_nyc_ru.pdf (дата обращения: 12.04.2025).

- Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / отв. ред. О. А. Воронина. М.: Макс-Пресс, 2008. 768 с.
- Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г. // ООН. 2000. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/55/2> (дата обращения: 15.05.2025).
- Ильин А. Н. Идеология неолиберализма: сущность и социальные последствия // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2020а. Т. 13, № 2. С. 9—20.
- Ильин А. Н. Результаты неолиберальной глобализации: пространство для дискуссии // Век глобализации. 2020б. № 2. С. 8—32.
- Капелюшников Р. И. Приключения «неолиберализма» // Логос. 2022. Т. 32, № 4. С. 1—50.
- Комиссия по положению женщин: государства единогласно приняли Политическую декларацию // Новости ООН. 2025. 12 марта. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/03/1462156> (дата обращения: 13.04.2025).
- Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н. В. Эдельмана. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2010. 192 с.
- ООН: цена бездействия в отношении гендерного неравенства слишком высока // Новости ООН. 2024. 16 сентября. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/09/1456311> (дата обращения: 04.03.2025).
- Пекинская декларация и Платформа действий / Четвертая Всемирная конференция по положению женщин, Пекин, Китай, 4—15 сентября 1995 г. // ООН. 1995. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (дата обращения: 27.02.2025).
- Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // ООН. 2015. URL: <https://sdgs.un.org/ru/2030agenda> (дата обращения: 24.03.2025).
- 30 лет Пекинской декларации: гендерного равенства достичь пока не удалось // Новости ООН. 2025. 6 марта. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/03/1461991> (дата обращения: 27.03.2025).
- Фемциды в 2023 году: глобальная оценка случаев фемцида в отношении интимных партнеров, членов семьи // UN Women. 2024. URL: https://unece.org/sites/default/files/2025-04/4-1%20Statistical%20framework%20for%20femicide%20%28UN%20Women%29_rus.pdf (дата обращения: 01.03.2025).
- Шведова Н. А. ООН и статус женщин в мире: растущая тревога // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 3—14.
- Bolotin S. Voices from the post-feminist generation // The New York Times Magazine. 1982. 17 October. Sect. 6. P. 29—31.
- Facts and figures: Women's leadership and political participation // UN Women. 2024. 15 July. URL: <https://www.unwomen.org/en/articles/facts-and-figures/facts-and-figures-womens-leadership-and-political-participation> (дата обращения: 21.05.2025).
- Faludi S. Backlash: The Undeclared War Against American Women. New York: Crown Publishers Inc., 1991. 552 p.
- Friedan B. Feminism's next step // The New York Times Magazine. 1981a. July 5. Sect. 6. P. 14.
- Friedan B. The Second Stage. New York: Summit Books, 1981b. 344 p.
- Heywood L., Drake J. Third-Wave Agenda: Being Feminist, Doing Feminism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. 280 p.
- Hooks B. Yearning: Race, Gender and Cultural Politics. Boston (MA): South End Press, 1991. 236 p.

- Mohanty Ch. T.* Under Western eyes: feminist scholarship and colonial discourses // *Feminist Review*. 1988. Vol. 30, iss. 1. P. 51—80.
- Progress on women's rights and the Sustainable Development Goals — takeaways from UN Women's gender // UN Women. 2024. 21 September. URL: <https://www.unwomen.org> (дата обращения: 21.05.2025).
- Review and appraisal of the implementation of the Beijing Declaration and Platform for Action and the outcomes of the twenty-third special session of the General Assembly: report of the Secretary-General / Commission on the Status of Women Sixty-Ninth Session // United Nations Digital Library System. 2025. 10—21 March. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3850087?v=pdf> (дата обращения: 21.05.2025).
- Risks and benefits of digital tools for social protection delivery from a gender perspective: expert paper / B. Faith; Institute of Development Studies; University of Sussex (UK) // UN Women. 2023. URL: https://www.unwomen.org/sites/default/files/2024-02/risks_and_benefits_of_digital_tools_from_a_gender_perspective_en.pdf (дата обращения: 21.05.2025).
- Spivak G.* The Post-Colonial Critic: Interviews, Strategies, Dialogues. London: Routledge, 1990. 176 p.
- This Bridge Called My Back: Writings by Radical Women of Color / ed. by C. Moraga, G. E. Anzaldúa. New York: Kitchen Table Press, 1983. 311 p.
- To Be Real: Telling the Truth and Changing the Face of Feminism / ed. by R. Walker. New York: Anchor Books, 1995. 292 p.

References

- Bolotin, S. (1982) Voices from the post-feminist generation, *The New York Times Magazine*, 17 October, sect. 6, pp. 29—31.
- Crouch, C. (2010) *Postdemokratiia* [Post-Democracy], transl. from English by N. V. Edelman, Moscow: Izdatel'skiĭ dom Vyssheĭ shkoly ėkonomiki.
- Deklaratsiia tysiacheletiiia Organizatsii Ob"edinennykh Natsii, priniata rezoliutsiei General'noi Assamblei ot 8 sentiabria 2000 goda (2000) [United Nations Millennium Declaration, adopted by the General Assembly Resolution of September 8, 2000], *OON*, available from <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/55/2> (accessed 15.05.2025).
- Facts and figures: Women's leadership and political participation (2024), *UN Women*, 15 July, available from <https://www.unwomen.org/en/articles/facts-and-figures/facts-and-figures-womens-leadership-and-political-participation> (accessed 21.05.2025).
- Faludi, S. (1991) *Backlash: The Undeclared War Against American Women*, New York: Crown Publishers Inc.
- Femitsidy v 2023 godu: global'naia otsenka sluchaev femitsida v otnoshenii intimnykh partnĕrov, chlenov sem'i (2024) [Femicides in 2023: global estimates of femicide cases against intimate partners and family members], *UN Women*, available from https://unece.org/sites/default/files/2025-04/4-1%20Statistical%20framework%20for%20femicide%20%28UN%20Women%29_rus.pdf (accessed 01.03.2025).
- Friedan, B. (1981a) Feminism's next step, *The New York Times Magazine*, July 5, sect. 6, p. 14.
- Friedan, B. (1981b) *The Second Stage*, New York: Summit Books.
- Heywood, L., Drake, J. (1997) *Third-Wave Agenda: Being Feminist, Doing Feminism*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Hooks, B. (1991) *Yearning: Race, Gender and Cultural Politics*, Boston, MA: South End Press.
- Ilyin, A. N. (2020a) Ideologiya neoliberalizma: sushchnost' i sotsial'nye posledstviia [Ideology of neoliberalism: essence and social consequences], *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedeniĭ. Sotsiologiya. Ėkonomika. Politika*, vol. 13, no. 2, pp. 9—20.

- Ilyin, A. N. (2020b) Rezul'taty neoliberal'noi globalizatsii: prostranstvo dlia diskussii [The results of neoliberal globalization: a space for discussion], *Vek globalizatsii*, no. 2, pp. 8—32.
- Kapelyushnikov, R. I. (2022) Priklucheniia "neoliberalizma" [The adventures of "neoliberalism"], *Logos*, vol. 32, no. 4, pp. 1—50.
- Komissiiia po polozheniiu zhenshchin: gosudarstva edinoglasno priniali Politicheskuiu deklaratsiiu (2025) [Commission on the Status of Women: states unanimously adopted a Political declaration], *Novosti OON*, 12 marta, available from <https://www.news.un.org>. (accessed 03.04.2025).
- Mohanty, Ch. T. (1988) Under Western eyes: feminist scholarship and colonial discourses, *Feminist Review*, vol. 30, iss. 1, pp. 51—80.
- Moraga, C., Anzaldúa, G. E. (eds) (1983) *This Bridge Called My Back: Writings by Radical Women of Color*, New York: Kitchen Table Press.
- OON: tsena bezdeistviia v otnoshenii gendernogo neravenstva slishkom vysoka (2024) [UN: the price of inaction on gender inequality is too high], *Novosti OON*, 16 sentiabria, available from <https://news.un.org/ru/story/2024/09/1456311> (accessed 04.03.2025).
- Pekinskaia deklaratsiia i Platforma deistvii (1995) [Beijing Declaration and Platform for Action], Chetvertaia Vsemirnaia konferentsiia OON po polozheniiu zhenshchin (Pekin, Kitaï, 4—15 sentiabria 1995 goda), *OON*, available from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (accessed 27.02.2025).
- Preobrazovanie nashogo mira: Povestka dnia v oblasti ustoičivogo razvitiia na period do 2030 goda (2015) [Transforming our world: The 2030 Agenda for Sustainable Development], *OON*, available from <https://sdgs.un.org/ru/2030agenda> (accessed 24.03.2025).
- Progress on women's rights and the Sustainable Development Goals — takeaways from UN Women's gender (2024), *UN Women*, 21 September, available from <https://www.unwomen.org> (accessed 21.05.2025).
- Review and appraisal of the implementation of the Beijing Declaration and Platform for Action and the outcomes of the twenty-third special session of the General Assembly: Report of the Secretary-General (2025), Commission on the Status of Women, *United Nations Digital Library System*, available from <https://digitallibrary.un.org/record/3850087?v=pdf> (accessed 21.05.2025).
- Risks and benefits of digital tools for social protection delivery from a gender perspective: Expert paper (2023), B. Faith, Institute of Development Studies, University of Sussex, UK, *UN Women*, available from https://www.unwomen.org/sites/default/files/2024-02/risks_and_benefits_of_digital_tools_from_a_gender_perspective_en.pdf (accessed 21.05.2025).
- Shvedova, N. A. (2024) OON i status zhenshchin v mire: rastushchaia trevoga [The UN and the status of women in the world: growing anxiety], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—14.
- Spivak, G. (1990) *The Post-Colonial Critic: Interviews, Strategies, Dialogues*, London: Routledge.
- 30 let Pekinskoï deklaratsii: gendernogo ravenstva dostich' poka ne udalos' (2025) [30 years of the Beijing Declaration: gender equality still unachieved], *Novosti OON*, available from <https://news.un.org/ru/story/2025/03/1461991> (accessed 27.02.2025).
- Voronina, O. A. (ed.) (2008) *Gendernoe ravenstvo v sovremennom mire: Rol' natsional'nykh mekhanizmov* [Gender equality in the modern world: The role of national mechanisms], Moscow: Maks-Press.
- Vystuplenie stats-sekretaria — zamestitelia ministra truda i sotszashchity A. N. Pudova na 69-ï sessii Komissii po polozheniiu zhenshchin OON (2025) [Speech by the State Secretary — Deputy Minister of labor and social protection A. N. Pudov at the 69th session

- of the UN Commission on the Status of Women], *Postoiannoe predstavitel'stvo RF pri OON*, 13 marta, available from https://estatemnts.unmeetings.org/estatemnts/31.0070/2025031315000000/whMINVMght/tjMljVpW_nyc_ru.pdf (accessed 12.04.2025).
- Walker, R. (ed.) (1995) *To Be Real: Telling the Truth and Changing the Face of Feminism*, New York: Anchor Books.
- Wolf, N. (1995) Mif o krasote: kak predstavleniia o krasote ispol'zuiutsia protiv zhenshchin [The beauty myth: how images of beauty are used against women], transl. from English by O. Basinskaya, *Inostrannaia literatura*, no. 3, pp. 219—236.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 27.06.2025; принята к публикации 02.07.2025.

The article was submitted 20.06.2025; approved after reviewing 27.06.2025; accepted for publication 02.07.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Воронина Ольга Александровна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, olga-voronina777@yandex.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).